

Гибель Гьюкингов

Сказания о героях

Гудрун не последовала на костер за Сигурдом, как это сделала Брунхильд. Первые дни она горько плакала о муже, но потом постепенно успокоилась и даже помирилась со своими братьями, простив им его смерть. А спустя еще два месяца в замок Гьюкингов прибыли послы от Атли: грозный повелитель гуннов сватал вдову победителя Фафнира.

- Я удивляюсь тебе, брат! - сказала Гудрун, когда Гуннар передал ей эту весть. - Достойно ли дочери Гьюки и вдовы потомка Одина выходить замуж за гунна? Или ты желаешь избавиться от меня, как избавился от моего мужа? Почему ты сразу не отказал посланцам Атли?

- Не сердись, Гудрун, - мягко ответил король. - Я не буду принуждать тебя и идти против твоей воли, но помни, что Атли зол и мстителен. Если ты ему откажешь, нам придется встретиться в бою с его полчищами, и кто знает, кому из нас боги даруют победу. Подумай об этом и завтра утром дай мне ответ.

- Мне больше не о чем думать, Гуннар, - тихо и печально произнесла молодая женщина. - Я поняла все, и сыновья моего отца никогда не скажут, что я явилась причиной их смерти. Ступай и скажи гуннам, что я согласна и еду вместе с ними.

Гуннар крепко обнял сестру.

- Спасибо тебе, Гудрун! - радостно воскликнул он. - Ты приносишь нам счастье. Теперь, когда мы опять породнимся с Атли, нам не страшны любые враги.

- Было время, когда ты не боялся и самого Атли, - с горькой усмешкой промолвила Гудрун, оставшись одна. - И тогда бы ты не стал ради своего счастья жертвовать моим.

Однако она не колебалась и через несколько дней в сопровождении небольшой дружины гуннских воинов, присланной за ней Атли, уже отправилась на восток, к своему новому супругу.

Проводив сестру, Гуннар вскоре в свою очередь женился на дочери одного

из соседних готских королей, по имени Глаумвор, а Хогни - на ее младшей сестре, Костберре. Жены обоих Гьюкингов были молоды, красивы и веселы и принесли в замок столько радости, что братья больше не думали ни о проклятье Брунхильд, ни о ее мрачном пророчестве.

Так незаметно прошло около года, и вот однажды к Гуннару вновь прискакал гонец от Атли. У Гудрун родился сын, и старый вождь звал к себе Гьюкингов на торжественный пир.

Молча выслушал король гонца, и не радость, а скорбь и предчувствие беды наполнили его сердце. Сам не зная почему, он вдруг заподозрил предательство.

- Скажи, а моя сестра мне ничего не прислала? - спросил он у гунна.

Винги - так звали гонца - замялся.

- Наша королева просила меня передать тебе это письмо и этот перстень, - произнес он наконец и вынул и то и другое из-за пазухи.

Хогни взял письмо и, быстро пробежав его глазами, улыбнулся.

- Винги говорит правду, и нам ничто не угрожает, Гуннар, - сказал он. - Гудрун пишет, чтобы мы приезжали.

- А ты уверен, что письмо от нее? - с сомнением покачал головой король.

Хогни с удивлением посмотрел на него: еще никогда его брат не был так недоверчив.

- Ну конечно, Гуннар! - воскликнул он. - А вот и ее кольцо Андваранаут, последнее, что у нее осталось из сокровищ Фафнира. - И он надел кольцо на палец.

- Пусть так, но мне все же не хочется ехать, - возразил Гуннар. - Лучше мы отпразднуем рождение племянника дома.

- Мой господин просил сказать, что не пожалеет для вас богатых даров, коней и оружия, - низко поклонившись, промолвил гонец. - Если же вы не приедете, он сочтет ваш отказ за кровную обиду.

- Коней и оружия у нас и так достаточно, - возразил Гуннар, нахмурившись. - Но я не хочу ссориться с Атли. Хорошо, скачи назад к своему вождю и

передай ему и моей сестре, что мы приедем.

- И ты сдержишь слово, о великий король? - спросил Винги, недоверчиво взглянув ему прямо в глаза.

- Мы, Гьюкинги, не бросаем слов на ветер! - гневно воскликнул Гуннар вставая. - И, не будь ты послом моего шурина, ты бы дорого заплатил мне за такую дерзость.

- Не гневайся, господин, - смиренно промолвил гунн, опуская голову. - Атли и королева запретили мне возвращаться к ним без твоего согласия, но теперь я уеду спокойно.

- Постой, - произнес Гуннар, гнев которого уже прошел. - Не торопись! Сначала поешь и отдохни, а завтра утром отправишься в путь.

- Спасибо тебе, но мы, гунны, рождаемся в седле и не знаем, что такое усталость, - отвечал Винги улыбаясь. - Прощай, король Гуннар. Я сообщу Атли и твоей сестре радостную для них весть и получу за нее большую награду. Прощай!

Предоставив Хогни проводить гунна, Гуннар позвал жену.

- Атли и Гудрун приглашают нас к себе, Глаумвор, - сказал он, - и мы с Хогни решили ехать, но тебе и Костберре лучше остаться здесь, в замке.

- Как, ты уезжаешь к гуннам? - испуганно промолвила Глаумвор. - Нет, нет, Гуннар, послушайся меня и перемени свое решение. Сегодня ночью я видела страшный сон: ты сидел связанный по рукам и ногам в яме, а вокруг тебя копошились ядовитые змеи. Такие видения не сулят ничего хорошего, поверь мне. Тебя ждет несчастье.

Гуннар помрачнел: он вспомнил последние слова своей бывшей жены.

- Поздно, Глаумвор, поздно, - прошептал он. - Я дал слово и уже не в силах вернуть его обратно, не опозорив своего имени. Но твои опасения напрасны. Если бы Атли замышлял против нас какое-либо предательство, моя сестра не стала бы звать нас к себе... А вот и Хогни, спроси у него: он сам читал письмо Гудрун.

- Плохо я читал его, Гуннар! - уставившись глазами в земляной пол замка, возразил младший Гьюкинг. - Сейчас, когда я просмотрел его еще раз, я заметил, что несколько слов в нем исправленно, и не рукой Гудрун. Сестра

пишет нам, чтобы мы не приезжали, а на Андваранауте я нашел волос из волчьей шкуры, которым она его обвязала. Недаром тебе не хотелось ехать к гуннам, брат. Там нас ждет смерть.

Глаумвор задрожала и тяжело опустилась на скамью.

- Но почему же Атли так разгневался на нас? - недоверчиво проговорил король. - Что плохого мы ему сделали?

- А что плохого сделал нам Сигурд? - язвительно ответил Хогни. - Почему мы его убили? Золото Фафнира толкнуло нас на это, а теперь его хочет захватить Атли.

- Но он его не получит, - проскрипел зубами Гуннар. - Золото, ради которого я погубил своего лучшего друга и кровного брата, золото, ради которого я нарушил клятву, я не отдам, хотя бы мне пришлось погибнуть!

- Но ведь ты не поедешь к Атли, супруг мой? - вдруг вскрикнула Глаумвор, бросаясь к нему.

- Нет, я поеду! - упрямо сдвинул брови король. - А ты, Глаумвор, лучше иди к себе; мне нужно поговорить с огни.

Королева, тяжело вздыхая, покорно вышла, а Гуннар продолжал:

- Мне незачем говорить тебе, что мы должны сдержать слово, Хогни, но то, что я сказал, останется нерушимым. Пусть Атли захватит нас, пусть он захватит нашу страну - золото он не получит. Мы должны спрятать сокровища, и так, чтобы их никто не смог найти. Помоги мне в этом. Я верю только тебе одному.

- Лучше всего просто бросить их в Рейн, - предложил младший Гьюкинг.

Гуннар наклонил голову в знак согласия.

- Ты прав, брат, - сказал он, - так мы и сделаем.

В ту же ночь, когда все в замке уснули, братья достали из сокровищницы мешки с золотом Фафнира и с трудом перетащили их один за другим на берег Рейна. Там они выбрали место поглубже и, развязав мешки, высыпали все драгоценности в воду.

- Ты хорошо придумал, Хогни, - промолвил король, после того как последний

слиток золота исчез в быстрых волнах могучей реки. - Теперь не только Атли, но и мы сами вряд ли достанем его обратно. Сигурд говорил мне, а ему рассказал это какой-то карлик, по имени Регин, что в былые времена золото Фафнира тоже хранилось в реке, у гнома Андвари, который проклял каждого, кто будет им владеть. Может быть, теперь оно возвратится к своему бывшему хозяину.

- Тогда пускай к нему возвратится и кольцо! - воскликнул Хогни, снимая с пальца Андваранаут, и, размахнувшись изо всех сил, бросил его на середину Рейна.

Маленькое колечко бесшумно погрузилось в воду, и Гуннару на миг показалось, что в том месте, где оно упало, река окрасилась в красный цвет.

- Скройся навсегда, злосчастное золото! - произнес он торжественно, поднимая руки. - Храни его, великий Рейн. Пройдет немало времени, пока твои волны смоят с него всю кровь, которая из-за него пролилась...

- ...и которая еще прольется, - добавил Хогни. - Пройдут века, многие славные роды исчезнут, а проклятие Андвари будет по-прежнему тяготеть над людьми, и раньше других оно поразит нас с тобой, Гуннар.

Много слез пролили Глаумвор и Костберре, провожая своих мужей в страну гуннов, невеселы были и сами братья в суровом молчании следовала за ними их конная дружина. Никто из воинов Гуннара не надеялся вернуться домой, но не было среди них и такого, который пожелал бы остаться. Бородатые, загорелые, в тяжелых рогатых шлемах и блестящих панцирях, они ехали гуськом, друг за другом, не глядя по сторонам и, казалось, не замечая ни освещенных ярким апрельским солнцем полей и лесов, ни встречавшихся им по дороге небольших крестьянских селений. Все так же молча и спокойно миновали они раскинувшиеся вокруг замка Атли многочисленные шатры его воинов, откуда на них с враждебным любопытством смотрели гунны.

Пока Гуннар и Хогни слезали с коней, а королевские слуги побежали сообщать Атли об их приезде, в дверях замка появилась Гудрун.

- Как, вы здесь? - воскликнула она в ужасе. - Ведь я же написала вам, чтобы вы не приезжали!

- Винги по дороге переправил слова твоего письма, Гудрун, - ответил Гуннар, подходя к сестре. - А когда мы заметили это, было уже поздно: я дал слово, что мы приедем.

- О Брунхильд, Брунхильд! - заплакала Гудрун. - Твое проклятие исполняется, и даже мой брак с Атли не смог предотвратить того, что должно было случиться.

- Разве твой муж хочет нас убить? - спросил Хогни.

- Он не говорил мне об этом, - отвечала королева гуннов, - но я чувствую, что у него на душе что-то недоброе. Он часто вспоминает о сокровищах Сигурда и, наверное, хочет их захватить.

- Их уже нет... - засмеялся Хогни.

Но он не успел договорить до конца: вернувшиеся слуги объявили, что Атли ждет их в пиршественном зале.

- Я рад снова видеть тебя, Гуннар, рад встретиться и с тобой, Хогни, - с деланным радушием приветствовал Гьюкингов старый вождь, идя им навстречу. - Я слышал от Винги, что ему стоило немалых трудов уговорить нас приехать. Чем заслужил я такую немилость своих старых друзей и соседей?

- Ты ошибаешься, Атли, или смеешься над нами, - возразил Гуннар. - О какой неприязни ты говоришь, когда мы с тобой дважды родственники? Ты забыл, что я муж твоей покойной сестры, а ты женат на Гудрун.

- Да, да, ты прав, мы с тобой родственники, - согласился гунн все так же добродушно и ласково. - И я повторяю, что рад приветствовать вас у себя, хотя за тобой небольшой долг, Гуннар, за тобой и за Хогни.

- Что это за долг, Атли? - спросил Гуннар, делая вид, что не понимает, о чем идет речь.

Атли быстро оглядел зал, который тем временем наполнили вооруженные до зубов гуннские воины.

- Вот уже больше года прошло, как Брунхильд умерла, Гуннар, - сказал он, садясь на свой трон и движением руки приглашая Гьюкингов приблизиться, - умерла по твоей вине, а ты до сих пор не прислал мне выкуп за ее смерть.

- Брунхильд сама пронзила себе грудь мечем Сигурда, - отвечал молодой король. - Я виноват лишь в том, что не успел удержать ее руку. Если же ты

думаешь иначе, то разве моя сестра, которую я отдал тебе в жены, не стоит твоей?

- Как я могу порочить ту, которая родила мне сына? - опять улыбнулся Атли. - Я благодарю тебя за жену, шурина, но ты и тут обманул меня, и обманул жестоко. У Сигурда было много золота, почему же Гудрун привезла с собой только одно кольцо?

- Золото Сигурда досталось мне и моему брату, - спокойно промолвил Гуннар. - Сестра отдала его нам.

- Она сама отдала его вам? - насмешливо переспросил его гунн.

- Сама, или не сама, но это золото останется у нас, - резко ответил старший Гьюкинг, упрямо сдвигая брови.

Полуприкрытые глаза Атли вдруг раскрылись и с нескрываемой угрозой уставились на братьев.

- Ты ошибаешься, Гуннар, - медленно проговорил он. - Это золото не останется у вас, или вы сами навсегда останетесь у меня.

- Не пугай нас, Атли, - смело вмешался в разговор Хогни, опуская руку на меч, - и не забывай, что мы твои гости.

Вождь гуннов резким движением головы откинул со лба длинную прядь своих жестких, как грива, волос и приподнялся, словно готовясь к прыжку. Увидев это, Гудрун оттолкнула в сторону Гуннара и Хогни и бросилась перед ним на колени.

- Прости их, супруг мой, - умоляющим голосом промолвила она. - Прости ради сына, что я тебе родила. Не нарушай законов гостеприимства и позволь им уехать.

- Я не должен забывать законов гостеприимства? Я должен позволить им уехать? - прошипел Атли, задыхаясь от злобы. - Нет, Гудрун, нет! ради золота они сделали тебя нищей, ради золота они убили Сигурда, величайшего и благороднейшего из всех богатырей, которые когда-либо рождались на земле, ради золота они забыли клятву, которую ему дали, ну, а я ради золота забуду о том, что они мои гости. Взять их! Заточить их в темницу! - обратился он к своим воинам. - Может быть, тогда они станут сговорчивее.

Хогни в ответ только рассмеялся и выхватил из ножен меч. Гуннар последовал его примеру, и двое гуннов сейчас же пали мертвыми. Остальные со всех сторон окружили обоих Гьюкингов.

Прижавшись спиной друг к другу, Гуннар и Хогни рубились так яростно, что гуннские воины не могли к ним приблизиться. На шум боя в замок ворвались дружинники Гьюкингов; за ними по пятам устремились новые отряды гуннов, и через несколько минут весь зал был залит кровью и завален телами убитых.

Надев на голову первый попавшийся шлем, Гудрун тоже кинулась на помощь братьям. Ей удалось убить трех гуннов, и среди них - младшего брата Атли, но вскоре она была обезоружена и по приказу мужа отведена в свою спальню, где, уткнув голову в подушку, с судорожно стиснутыми зубами и тяжело бьющимся сердцем долго молча прислушивалась к доносившемуся до нее звону оружия и стонам умирающих.

Весь день и всю ночь до самого утра сражались Гьюкинги, подтверждая свою боевую славу, однако их удары становились все слабее и слабее, а число их защитников все меньше и меньше, и когда взошло солнце, они оба уже лежали связанными в одной из комнат замка.

- Ты знаешь, что я не боюсь смерти, Гуннар, - сказал Хогни, с трудом поворачивая к брату свою покрытую запекшейся кровью голову. - Но не глупо ли умирать ради каких-то сокровищ, которыми все равно не достанутся ни нам, ни нашим женам? Открой гунну, где их найти, и я верю, что он нас отпустит. Подумай о Глаумвор и Костберре и о том, что их ждет, когда Атли захватит нашу страну.

- Молчи. Хогни! - сердито ответил молодой король. - Мне легче тысячу раз умереть и пережить гибель всех родных, чем отдать это золото в чужие руки. Я уже жалею о том, что и ты знаешь, где оно находится.

Хогни вздохнул и отвернулся, не замечая, что на лице старшего Гьюкинга вдруг появилась мрачная улыбка.

К вечеру Гуннара вновь привели к вождю гуннов.

- Ну как, сам ли ты отдашь золото Сигурда, или мне придется разорить из-за него всю твою страну? - спросил его Атли.

- Золото спрятана, шурин, и спрятано так, что его тебе не найти, - отвечал Гуннар, - но я готов сказать, где оно, если ты исполнишь мою просьбу.

- Я обещаю тебе это, - наклонил голову Атли.

- Пусть принесут мне сюда сердце Хогни, - опустив глаза, промолвил Гуннар. - Я не хочу, чтобы мой брат остался в живых и потом обвинял меня в трусости.

Атли почти с испугом посмотрел на него.

- Как, ты желаешь смерти Хогни? - произнес он недоверчиво.

- Да! - твердо сказал Гуннар.

- Хорошо, пусть будет по-твоему, - согласился гунн и, подозвав к себе одного из слуг, шепнул что-то ему на ухо.

Слуга, поклонившись, вышел и через полчаса вернулся назад, неся на золотом подносе еще теплое и не утратившее жизни сердце.

- Вот сердце твоего брата, Гуннар, - сказал Атли. - Теперь говори, где ты спрятал золото.

Гуннар громко рассмеялся.

- Ты считаешь меня ребенком, шурин, - произнес он. - Посмотри - это сердце все еще дрожит от страха. Значит, оно принадлежит трусу, а Хогни храбрее любого из твоих воинов.

Старый вождь, подумав немного, опять подозвал к себе слугу, и вскоре перед Гуннаром на том же золотом подносе уже лежало второе сердце.

- Да, это сердце Хогни, - вздрогнув, прошептал старший Гьюкинг. - Оно так же спокойно и тихо, как спокойно и тихо принял он свою смерть.

- Так где же сокровища, Гуннар? - помолчав, снова заговорил Атли. - Ты видишь - твое желание исполнено.

- Ах, шурин, как же ты глуп! - с презрением воскликнул молодой король. - Ведь я заставил тебя убить Хогни потому, что боялся, что он выдаст тебе мою тайну. Никогда, Атли, золото Фафнира не будет лежать в твоей сокровищнице. Открою ли я тебе, где оно хранится, если за него я отдал

жизнь двух братьев и счастье сестры, обрек на позор жену и разорил страну моих предков? Ты смешон мне, Атли!

Гьюкинг думал, что от его слов гунн придет в бешенство, но тот внезапно улыбнулся.

- Я ждал этого, - сказал он. - Я слышал еще от Брунхильд о проклятии Андвари, и, хотя мне хотелось увидеть своими глазами его сокровища, я рад, что судьба Сигурда и вас, Гьюкингов, минует мой род. Но ты, Гуннар, ты не уйдешь от наказания! Оно будет таким же страшным, как и твои преступления. Тебя бросят в змеиную яму. Я знаю, что это было тебе предсказано, так пусть же предсказание исполнится!

Не смотря на всю свою храбрость, Гуннар стал бледнее снега и невольно прошептал про себя имя Брунхильд.

Повинуясь приказу Атли, королевские слуги связали его по рукам и ногам и потащили прочь из замка. На дворе он увидел поджидавшую его Гудрун.

- Не бойся, я постараюсь тебе помочь, брат, - быстро шепнула она ему.

Но Гуннар в ответ только покачал головой: он уже не верил в свое спасение.

Шагах в двухстах от замка, в поле, была глубокая заболоченная яма, на дне которой копошились несколько десятков гадюк. Слуги бросили в нее Гьюкинга и, дрожа от ужаса, поспешили уйти прочь. Шум от падения Гуннара напугал змей, и они попрятались в свои норы.

"Скорей, Гудрун, приходи скорей! Может быть, тебе все же удастся мне помочь!" - думал молодой король, с тоской глядя вверх на клочок голубого весеннего неба.

Неожиданно вверху, над краем ямы, показалась белокурая головка.

- Сестра! - с надеждой прошептал Гуннар. - Ты уже пришла? Торопись и, пока змеи не выползли, вытащи меня отсюда!

- Сейчас нельзя, брат, нас увидят, - отвечала Гудрун. - Подожди до ночи, а чтобы змеи не тронули тебя до моего прихода, возьми вот это.

И она бросила ему вниз лютню.

- Спасибо, сестра! - воскликнул Гуннар.

Но Гудрун уже исчезла.

Немного погодя молодой король услышал какой-то шорох и шипение: вытянув свои плоские головы, прямо на него ползли змеи. Тогда, с трудом дотянувшись до брошенной Гудрун лютни, он стал зубами дергать ее струны. Их резкие, похожие на стон звуки успокоили змей, и они одна за другой, словно засыпая, опустили свои головы. Все громче и громче звенела лютня, все светлее и радостнее становилось на сердце у Гуннара, как вдруг он увидел одну исполинскую старую гадюку, которая неумолимо ползла прямо на него. Он еще несколько раз изо всех сил рванул струны зубами - это не помогло; он закричал - змея не испугалась. Поняв, что все кончено, он закрыл глаза. В тот же миг короткий, но мучительный укол в живот заставил Гуннара вскрикнуть от боли; яд гадюки разливался по его телу, причиняя ему невыносимые страдания, и наконец достиг сердца.

Так умер последний из Гьюкингов, и так прекратился их род, но сказание о вольсунгах на этом не кончается.

Далее в нем говорится, как Гудрун, мстя Атли, убила собственного сына, а потом и самого Атли, как она в третий раз вышла замуж и как она снова потеряла и мужа и детей, но рассказывать об этом слишком долго, а не всякая длинная история самая хорошая.